

Э. Л. Трикоз

К ВОПРОСУ О ДЕРЕВЕНСКОМ МИРЕ И ЛАДЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. БЕЛОВА (биографический аспект)

Изучение летописи жизни В. И. Белова и его творческой лаборатории на данном этапе, когда внесены в Государственный каталог Музейного фонда РФ и частично описаны документы из архива писателя и уже 10 лет существует мемориальный музей писателя в Вологде, является актуальной проблемой русской литературы и современного литературоведения. Полная биография автора-традиционалиста еще не написана, в том числе и потому, что многие документы личного характера не введены в научный оборот. В связи с этим, надо полагать, не осмыслена жизнь художника беловскими современниками в серии «Жизнь замечательных людей», хотя уже вышли в этой серии издания, посвященные писателям его круга: В. П. Астафьеву, В. Г. Распутину, В. М. Шукшину и Ф. А. Абрамову.

Деревенский мир и его лад были самыми громкими «голосами» в авторской полифонии тем. Это обосновано социально-бытовым и духовным миром писателя, беловским характером и источниками, питавшими автора, а это истории судеб земляков, книги, письма друзей и общение с ними, архивные документы и др.

Василий Иванович Белов внес большой вклад в развитие национальной литературы и отдельного литературного направления деревенской прозы, поэтому следует продолжить наблюдение за жизнью классика и отбор существенных фактов из различных источников, чтобы подробно и глубоко изучить искусство художника, рассмотрев в деталях все этапы жизни. В нашем исследовании мы опирались на опубликованные дневники и воспоминания современников В. И. Белова, документы из фондов Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, личного архива московского писателя И. В. Лысцова, Государственного архива Вологодской

области, Российской государственной библиотеки, Государственного центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина.

По нашему глубокому убеждению, направление *деревенская проза* не только органически сложившееся литературное явление второй половины XX века, но и выстраданная многими событиями жизни прозаиков-традиционалистов необходимость — вынужденная необходимость писать о деревне.

Белов говорил, что в писательство пришел, чтобы выразить всю горечь души и рассказать о положении крестьян в начале сороковых — пятидесятых годов. В интервью и на встречах с читателями он часто сообщал, что ему всегда хотелось сказать то, чего не могли выразить другие, не хотели или боялись.

Психологически точно прозаик отмечал, что литература для него была способом исцеления, дающим выговориться:

Освобождаясь хотя бы частично от излишней непосильной тяжести, я еще могу какое-то время жить, существовать физически. Писательство для меня — это, прежде всего, физиологическая жизненная потребность, одно из необходимых условий моего существования...¹

В разные периоды писательской жизни то одни впечатления становились тяжелее, то другие, однако в мировоззрении Белова главной точкой опоры, уравнивающей и облегчающей груз любых впечатлений, был лад и постоянное стремление к гармонии — через писательство и труд в деревне.

В «Энциклопедии «Привычного дела»» указано:

Лад — одна из центральных категорий в творчестве Белова, наиболее четко сформулированная и подробно описанная в одноименной книге <...> Компактно авторское определение лада как основы гармоничной жизни звучит так: «Хорошую жизнь пронизывает лад, настрой, ритм, последовательность в разнообразии. Такой жизни присущи органичная взаимосвязь всех явлений, естественное вытекание одного из другого...»²

Там же сказано:

¹ Белов В. И. Груз жизненных впечатлений // Вопросы литературы. 1977. № 7. С. 202.

² Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова: монография / ред. и авт. вступ. ст. С. Ю. Баранов. Вологда : Полиграф-Периодика, 2021. С. 256.

Лад как особый уклад жизни видится Беловым в ретроспекции: это идеал, опрокинутый в прошлое, исходный миропорядок, освященный традицией и испытанный многовековым опытом жизни и труда на земле <...>. Прообразом идеала выступает мир детства — малой Родины, который в авторском сознании соотносится с потерянным расм...¹

Однако нельзя сказать, что воссоздание Беловым деревенского лада в произведениях было неким уходом в идеальный крестьянский мир прошлого, «в поэтизацию отжившего, в желание сохранить хотя бы в поэтическом образе “идиотизм крестьянского быта”, нищету, примитивность хозяйствования и человеческих отношений»². Смысл его творчества и писателей-деревенщиков заключался «в соприкосновении всеобщеизвестных прогрессивных идей с теми пластами реальности, которые знали только они»³. Другой смысл — в раскрытии для читателя «истого» и «нутряного» характера «нищей Руси» под «серым небом», в которой вырастали Толстой, Достоевский, Пушкин, Лермонтов: машинная же, промышленная культура — «это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества»⁴.

По мысли литературоведа Ю. И. Селезнева лад — это «основание и суть художественно воссоздаваемой писателем “крестьянской вселенной”»; он проявляет себя в слове и организует в беловских текстах языковые стихи, ритмизует речь повествователя и героев: «Лад — организующий центр всех противоборствующих и взаимообусловленных языковых стихий, преобразующий их в единство общенационального русского литературного языка»⁵.

В культурно-просветительских статьях, интервью, беседах с писателем и авторской публицистике беловских современников постоянно отмечалось, что Василий Иванович вырос в деревне и на протяжении нескольких десятилетий профессиональной творческой деятельности сохранял в своем сознании и произведениях ее образ, чтобы не растерять дары, преподнесенные «малой родиной»: чувство ритма

¹ Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова... С. 256–257.

² Селезнев Ю. И. Василий Белов. М.: Советская Россия, 1983. С. 110.

³ Соколова Л. В. Проза писателей-традиционалистов второй половины XX века в контексте русской и западноевропейской критики // Человек, культура, образование. 2011. № 2. С. 82–83.

⁴ Селезнев Ю. И. Василий Белов... С. 111.

⁵ Там же. С. 87.

и гармонии, любовь к родине и землякам, совесть и целомудрие, знание разницы между добром и злом. Об этих дарах он постоянно размышлял в художественных произведениях, публицистике, глубоко и погруженно — в очерках «Лад». Писатель считал, что между величиной таланта и уровнем нравственности художника существует прямая зависимость, а сильная связь с родной землей, как одно из важных нравственных качеств, способна порождать в творце мощный художественный образ, как и сильная связь с традицией — родовой и народной, культурно-исторической и литературной¹. Мощная беловская связь с деревней дала высокохудожественные образы матери, родного дома (избы), земли-кормилицы — самые святы в русской классике и национальном сознании, они воссоздали беловскую «суровую неброскость Северной Руси» (по Ю. И. Селезневу). На протяжении всей творческой жизни классика эти образы были озарены вдохновением.

В творческой лаборатории В. И. Белова одной из главных движущих сил порождения лиричных и глубоких образов деревни были так называемые детские травмы и комплексы, о которых писатели-деревенщики говорили и в автобиографической прозе, и в публицистике, и во время публичных выступлений. Белов, например, хорошо осознавал «тяжесть собственной неполноценности». До 16 лет он практически безвыездно жил в маленькой вологодской деревне Тимонихе, горожанином стал в 1949 году, когда уехал учиться в ФЗО г. Сокола (Вологодская обл.). Впервые юноша выбрался в районный центр только в 14 лет, совершив путь пешком более чем в 130 км (туда и обратно), чтобы получить свидетельство о рождении и справку для поступления в училище².

Выход за пределы деревни юный Белов, как и многие люди его поколения, воспринял как некую психологическую травму (до этого жизнь его ограничивалась крестьянским домом и кустом деревень под названием Сохта). Переход из деревни в город, из родной избы в кабинеты или многоквартирные дома требовал тогда от него много усилий, в том числе и преодоления внутренних комплексов. В автобиографическом очерке «Филипок» Белов написал:

¹ См.: Белов В. И. Жажда лада // Книжное обозрение. 1987. 20 марта. С. 3; Мартыненко О. Воспитание личности по Василию Белову // Московские новости. 28 фев. 1982. № 9(87). С. 12; Почему я пишу : [фрагм. беседы со студентами Ереван. ун-та] / В. Белов ; [предисл. ред.] // Учительская газета. 1987. 1 мая.

² См.: Трикоз Э. Л., Ефремова Л. Л. Шестнадцатилетний Белов: школа ФЗО, трудовая мобилизация, путь в люди (архивы, документы, воспоминания) // Вестник Вологодского государственного университета. 2023. № 3. С. 67–73.

Это была многолетняя тяжесть собственной неполноценности. Ледяная глыба бесперспективного прозябания... Я ощущал эту холодную глыбу бесправия всегда: и в 49-м году, когда голодал в школе ФЗО, и тогда, когда с гордостью посылал матери первые заработанные рубли...¹

В повести «Плотницкие рассказы», содержащей множество отсылок к биографии автора, герой так описывает свое состояние, когда не получает справку в райцентре:

Теперь, спустя много лет, я краснею от унижения, осознанного задним числом <...> Сидел на грязном полу у печки и плакал, — плакал от своего бессилия, от обиды, от голода, от усталости, от одиночества... Обиды отрочества — словно зарубки на берегах: заплывают от времени, но никогда не зарастают совсем².

Подобный стыд и комплекс неполноценности, если посмотреть в подробные биографические исследования писателей-деревенщиков, были свойственны каждому. Это было результатом общего жизненного сюжета. Достаточно вспомнить слова В. М. Шукшина из письма кинорежиссера В. И. Фомину:

Приехав учиться в столичный вуз из деревни, долгое время чувствовал себя как-то очень растерянно... Я стеснялся своего деревенского говора, слов, к которым привык и которых здесь никто не произносил. И чтобы не выделяться, пытался даже какое-то время переучиться говорить и выражаться, как все начитанные, образованные московские ребята. Помню эту мучительную пору. И насмешки над собой, и свой собственный стыд...³

Преодоление чужеродности укрепило в писателях усердие освоить новое, но не отказаться от своего крестьянского характера, тепла материнского избяного очага, «ясности пашни», красоты деревенского уклада, «начиная с языка, с жилья»⁴.

¹ Белов В. И. Филипок (из автобиографической рукописи) // Светлые души : сборник прозы / ред.-сост. А. А. Цыганов. Вологда, 2006. С. 114.

² Белов В. И. Плотницкие рассказы. Вологда : Северо-западное книжное издательство, 1968. С. 4–5.

³ Варламов А. Н. Шукшин. М. : Молодая гвардия, 2015. 127 с. URL: <https://chitay-knigi.com/32464-aleksei-varlamov-shukshin.html> (дата обращения: 02.07.2025).

⁴ См.: Шукшин В. М. Слово о «малой родине» // Шукшин В. М. Собр. соч. в 3-х т. М. : Молодая гвардия, 1985. Т. 3. Рассказы 1972–1974

Второй осознанной «зарубкой» для В. И. Белова в 1950–1980-е годы была невозможность долго оставаться без города. Беловское поколение понимало, что «город село таранил», но город давал профессию, работу, материальные блага. В стихотворении беловского друга и земляка Н. М. Рубцова «Грани» отражено коллективное ощущение невозможности «большому» человеку деревни встать на ноги без города и жить одновременно в двух местах, когда «одна нога на берегу, а другая в лодке» (цитата В. М. Шукшина):

Я вырос в хорошей деревне,
Красивым — под скрип телег!..

Там нету домов до неба,
Там нету реки с баржой,
Но там на картошке с хлебом
Я вырос такой большой.

Мужал я под грохот МАЗов,
На твердой рабочей земле...
Но хочется как-то сразу
Жить в городе и в селе...¹

У Белова в столице были многочисленные связи с литераторами, журналистами, режиссерами, художниками, бывшими сокурсниками. В Вологде жила семья, был крепкий коллектив творческих писателей-вологжан. Но несмотря на это, Белов все же находил время жить в деревне Тимонихе, где хозяйничала его мать — одна из муз художника, временно гостили родные братья и сестры с семьями, друзья и товарищи из разных городов страны, знавшие о «вологодском происхождении в деревне» Белова².

Деревня оставалась для писателя местом встреч с земляками, местом вдохновения и исцеления как от физических болезней, так и от душевных печалей, уголком земного рая и мира, где художник мог посмотреть внутрь себя и начать прозревать истину. В ней он погружался

годов. URL: <https://traumlibrary.ru/book/shukshin-ss03-03/shukshin-ss03-03.html#s003004> (дата обращения: 02.07.2025).

¹ Рубцов Н. М. Избранная лирика. Вологда : Северо-западное книжное издательство, 1974. С. 81.

² Из письма В. М. Шукшина к В. И. Белову, 1964 г. Хранится в Музее-квартире В. И. Белова: КБИАХМ МКБ КП-4999 А-3161.

в мир старопрежней деревни, общался с представителями «уходящей Руси», осмыслял сельские сюжеты. Город же был местом получения новых знаний, участия в публичных выступлениях, встречах.

Следует отметить, что погруженность в образы деревенского мира и лада была продиктована и коллективным фактором: писатели беловского окружения по происхождению были из крестьян, носителями народной традиции. В биографии Белова есть достаточно продолжительный период общения с поэтом-земляком А. Я. Яшиным, после войны переехавшим в столицу и имевшим широкий круг общения в писательской среде. Он, фронтовик, поэт, лауреат Сталинской премии, сыграл особую роль в судьбе Белова, начиная с конца 1950-х.

В 1962 году Яшин опубликовал повесть о деревне «Вологодская свадьба», оказался в ряду первых авторов деревенской прозы. Ранее вышли «Районные будни» В. В. Овечкина (1952–1956) и «Деревенский дневник» Е. Я. Дороша (1956–1958). С Яшиным Белов познакомился в конце 1950-х в Вологде на литературном семинаре, и для него, тогда корреспондента районной газеты «Коммунар» (г. Грязовец Вологодской области) и первого секретаря райкома комсомола, Яшин стал проводником в большой мир литературы: дал рекомендацию в Литинститут им. А. М. Горького, где сам преподавал, познакомил с А. Т. Твардовским и Ф. А. Абрамовым, помог стать одним из авторов литературно-художественных журналов «Новый мир» и «Наш современник». Яшин давал рекомендации молодому автору, ободряющие публичные оценки произведениям конца 1950-х — 1960-х гг., деятельно верил в него. Из письма 1968 года: «Очень тебя прошу, отнесись серьезно к своему большому таланту... Дорога перед тобой огромная, славная, тебе предстоит совершить великий подвиг в русской литературе»¹.

Фронтовик оказал огромное влияние на молодого Белова и писателей-вологжан его поколения — поэтов Николая Рубцова, Александра Романова, Ольгу Фокину, Сергея Викулова, Бориса Чулкова².

¹ Яшин А. Я. Собрание сочинений. Том 3. Статьи, очерки, дневники, письма. М. : Художественная литература, 1986. С. 373.

² Вологодский писатель и переводчик Б. А. Чулков отмечал: «Всем он помог, глава и староста нашего вологодского литературного “цеха”!» («Дорогим, нежно любимым Яшиным...»: библиотека Александра Яшина и членов его семьи в автографах и дарственных надписях: каталог / вступ. ст. и коммент. Н. А. Поповой-Яшиной; ред. Е. Л. Демидова. Вологда, 2013. С. 398).

За это литературовед Ф. Ф. Кузнецов назвал его «опорой всего талантливому литературному Русского Севера»¹. Яшинские произведения, публичные выступления распространяли важные для молодых писателей идеи — «боли и борьбы за Россию» и преданности деревне и народным традициям. Яшин считал, что писатель должен быть «активным помощником народа», не приукрашивать действительность деревни, а писать о том, что требует вмешательства и помогает вскрывать противоречия². Очевидно, яшинские заветы укрепили беловское намерение рассказывать о русской деревне, погружаясь в истории родных вологодских деревень.

Александр Яковлевич также сыграл большую роль в сплочении молодых вологодских писателей с фронтовиками (Абрамовым, Астафьевым), у которых был интерес к изображению деревенской жизни и ее уклада. Для тех и других авторитет и личный пример служения Яшина литературе были очень дороги: «...во второй половине 1950-х гг. в художественном мастерстве А. Яшина проявились очертания его убеждений о необходимости открытой иллюстрации истинной деревенской бытности»³.

Другая значимая веха в биографии В. И. Белова — учеба в Литературном институте им. А. Горького среди «единокровных братьев»⁴. Именно в 1959–1964 гг. Белов основательно начал осваивать тему деревни, получив одобрение и поддержку от авторитетных мастеров слова, стал профессиональным автором.

¹ Кузнецов Ф. Ф. «Я есть сын крестьянина». Александр Яшин-100 // Литературная газета. 20 марта 2013. № 12. URL: <https://lgz.ru/article/ya-est-syn-krestyanina/> (дата обращения: 12.06.2025).

² Яшин А. Я. Собрание сочинений. Том 3... С. 77–78.

³ Столетова А. С. Трансформация социалистического мировоззрения писателей-деревенщиков и идеологическая основа остросоциальных произведений о крестьянском укладе жизни Русского Севера // Вестник КГУ. 2019. № 4. С. 137.

⁴ Именно в те годы в Литинституте было много студентов «от сохи». В московский вуз Василий Иванович поступил в 1959 году, и это был третий год, когда набор был «с предпочтением к глубинке» (по словам поэта О. А. Фокиной). См.: Ольга Фокина: «Поэзию списывать рано». Беседовала Е. Легчанова // Журнал о культуре Вологодской области «Сфера». 2015. URL: <https://cultinfo.ru/journal/spring-2015/olga-fokina-poeziyu-spisyvat-rano/> (дата обращения: 02.07.2025).

В вузе была создана особая творческая среда, возникшая как результат общения выходцев из деревень и сел, они держались вместе — своей «общиной». С одной стороны, крепка была в те годы «гвардия» студентов-вологжан — все были из крестьянских семей, у которых «матерое мужичество выпирало из стихов и повестей»¹. С другой стороны, тесно общалась в Литинституте сдружившаяся «на Тверской, кто откуда» сельская молодежь — «люди взрослые, хлебнувшие и армейской службы и работы. Обремененные семьями, не имеющие никакой материальной поддержки...» Многие беловские товарищи, поступившие в семинар Л. И. Ошанина, приехали «завоевывать столицу» из сел и деревень: Леонид Мерзликин (Алтайский край), староста группы Валентин Ермаков (Московская обл.), Иван Лысцов (Липецкая обл.), Иван Костин (Карелия), Паслей Самык (Алтайский край) и др.

Из воспоминаний поэта, переводчика Г. А. Русакова: «Мы тогда держались плотной тройкой Вася Белов, Ваня Лысцов и я... Астафьев нашу троицу почему-то отличал, особенно Василия с Иваном; я был городской, деревенской жизни не знал»². Сближение «своих» в атмосфере творческой свободы и общежитских пирушек помогало пережить травмы детства, многое обсудить в разговорах по душам, в том числе и содержание поэтических семинаров Л. И. Ошанина, где Белов «донимал Льва Ивановича страстными тирадами о судьбе вологодского крестьянства»³.

Важно отметить, что близкое литинститутское окружение В. И. Белова интересовалось народным языком, считая настольными книгами словарь В. И. Даля и сборники стихов С. А. Есенина — многочисленные издания классика тогда уже «расходились по всей стране»⁴.

Многие студенты Литинститута оказались тогда под сильным влиянием музыки Есенина (Н. М. Рубцов, А. Т. Прасолов, И. В. Лысцов, О. А. Фокина и др.). В дипломах⁵ беловских сокурсников стояла строка

¹ Романов А. А. Искры памяти // Воспоминания о Николае Рубцове. Вологда : КИФ «Вестник», 1994. С. 362.

² Русаков Г. А. Василий Белов. Воспоминания современников / сост. А. Н. Грешневилов. М. : Книжный мир, 2018. С. 495–516.

³ Там же.

⁴ Яшин А. Я. Собрание сочинений. Том 3... С. 52–61.

⁵ Сохранились дипломы об окончании Литературного института в личном архиве И. В. Лысцова и в архиве писателя В. И. Белова.

«Семинар по С. А. Есенину». Следовательно, курс о жизни и наследии классика был уже включен в программу очного обучения Литинститута. Эмоциональное прочтение есенинской поэзии студентами было подкреплено анализом текстов, глубокими знаниями биографии лирика.

В столице Василий Белов профессионально начал интересоваться языком, чтобы разобраться с собственным богатым запасом народных слов и выражений. Свидетельством этому служит и обнаруженное в Государственном архиве Вологодской области письмо 1989 года, в котором указано, что в годы учебы Белов — «страстный воитель за живую народную речь» — был студентом-«лаптежником»: «А мы с тобой как-никак были в институте в одном “Союзе лаптежников”, помнишь? (Я, ты, Л. Мерзликин)»¹.

Во время учебы в Москве Белов посещал лекции известных писателей и переводчиков, отстаивавших право на изображение народной жизни в современной литературе и человека «от сохи». В личном архиве погибшего в 1990-е гг. московского поэта И. В. Лысцова есть описание одной встречи в 1962 г. с писателем и переводчиком А. К. Юговым². Встреча состоялась в стенах Литинститута после выхода в свет книги Алексея Кузьмича «Судьбы родного слова»³. На первых листах рукописи отмечается:

Книга ходила по рукам, ее искали друг у друга по этажам, ею зачитывались. «Судьбы родного слова» были близки русскому и латышу, украинцу и азербайджанцу, белорусу и монголу, алтайцу и суданцу.

Выступающий тогда сказал студентам:

Не бойтесь пуристических окриков, <...> смело вводите яркое, точное народное слово и просторечие в стихи и рассказы, в журнальную статью и очерк. Не уподобьтесь Кашею, что «над золотом чахнет». Алмаз, ограниченный тонким вкусом художника, радует взор пуще первородного. Самоцветы, даримые нам народом, верните ему еще более переливчатыми...

Среди слушателей, как отмечено в тексте, были студенты-вологоджане В. И. Белов и О. А. Фокина.

¹ Письмо И. В. Лысцова к В. И. Белову от 30.10.1989 г. Данные о хранении: ГАВО. Ф. Р-5134. Оп. 1. Д. 218.

² Машинописные листы с пометами автора И. В. Лысцова.

³ Югов А. К. Судьбы родного слова. М. : Молодая гвардия, 1962. 176 с.

Воспоминания современников и документы архивов Белова и Лысцова сохранили еще такое важное для понимания писательских судеб свидетельство: оба основательно вели записные книжки, где фиксировали речь земляков, родственников, матерей. До создания книги «Лад» Белов просил свою мать вести тетрадь с записями о жизни и обычаях деревни, которые позже были использованы им для подготовки книги очерков о народной эстетике¹. Данные тетради пока не опубликованы и никем не исследованы.

Погруженность студента Белова в деревенский мир и отрицание им модернистских течений видел руководитель семинара, поэт-песенник Л. И. Ошанин. Он так охарактеризовал ученический этап будущего прозаика в июне 1961 г.:

...один из самых интересных студентов. Этот человек глубок и совестлив. Есть у него привычка и потребность думать за многих, прежде всего, за свою вологодскую деревню. Там у него много и любви и боли².

В 1964 г. Л. И. Ошанин отмечал в отзыве на дипломную работу: «По своей творческой манере, по языку Белов, начисто минувя все современные модернистские течения, как бы непосредственно принимает эстафету от старой русской прозы, от Лескова, Бунина, Куприна, в то же время оставаясь самим собой»³. По мысли руководителя, Белов тогда стал настоящим певцом вологодской деревни «с ее ольховым пейзажем, с ее трудной и скудной землей и светлыми человеческими душами». Напомним, в начале 1960-х студентом уже были написаны и опубликованы рассказы «Люба-Любушка», «Знойное лето», «Скворцы», «Прежние годы», повесть «Деревня Бердяйка».

В стенах московского института В. И. Белов начал свое большое исследование уклада народной жизни, характера вологодского крестьянина, лада северной эстетики и самобытного ритма народной речи. Бесспорно, там он попал и под влияние есенинской традиции, к которой обращались авторы-традиционалисты.

¹ КБИАХМ МКБ КП-4024/16 А-347. Тетрадь с записями о жизни в деревне. Рабочие материалы к произведению «Лад: Очерки о народной эстетике». Вологда, 1960–1970-е годы.

² Творческая характеристика студента В. И. Белова хранится в Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина. ГК 29338294. ГЦТМ КП 335699/203.

³ Хранится там же. ГЦТМ КП 335912/211.